

А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II

<...> Взгляды Екатерины на задачи властвования должны были отозваться на характере ее царствования. Недаром читала она лучшие произведения иностранной литературы: из них она почерпнула знакомство с идеей закономерного государства и усвоила ее лучше своих предшественников. С этой точки зрения императрица не только признавала себя государыней самодержавной, но указывала и на то, что «власть без доверенности народа ничего не значит»¹ и что «предлогом» самодержавного правления должно служить не «лишение людей естественной их вольности», а направление «действий их к получению самого большого от всех добра», чем и отличала монархию от «деспотичества»². Средство, пригодное, по ее мнению, для достижения подобного рода цели, императрица определила довольно ясно в известном манифесте 1764 г., когда «наиторжественнейше обещала своим императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного отечества в своей силе и при надлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка»³. Возлагая на себя тяжелые обязанности по управлению империей, императрица не без преувеличения признавала ответственность, падавшую на нее перед населением.

Выработанный характер и просвещенные взгляды, с какими Екатерина вступала на престол, заставляли современников признать в ней выдающиеся способности к властвованию. «Более, чем кто-либо в свете, по словам Каткарта, она способна была вести такую сложную машину», как русское государство⁴.

Мало-помалу подготавливая себя к будущей просветительной деятельности, великая княгиня Екатерина Алексеевна легко

могла убедиться и в ее необходимости для государства, механизм которого за последнее время царствования императрицы Елисаветы функционировал довольно плохо. «Сей эпок, — говорит, например, Н. Панин про царствование Елисаветы, — заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотением припадочных людей (т. е. фаворитов) и всяким посторонним малым приключениям в делах»⁵. Наконец, далеко еще не прочное положение, в каком находилась Екатерина по воцарении, также вызвало с ее стороны энергичные меры для водворения государственного порядка и кое-какие уступки в пользу наиболее видных классов общества.

Таким образом, приобретая личные средства для проведения реформы в государственной жизни России, Екатерина одновременно чувствовала ее настоятельную необходимость в виду некоторой беспорядочности предшествовавшего царствования и опасений, вызванных собственным ее, первоначально довольно шатким, положением на престоле.

Когда после переворота 28 июня 1762 г., вызванного личной предприимчивостью будущей императрицы и ее приверженцев, опасным положением их при дворе и сильным недовольством общества против правительства, Екатерина вступила на престол, она ужаснулась, увидавши, в каком печальном положении находилось государство. Первоначально императрица думала одновременно собрать возможно более обстоятельные сведения о состоянии империи и сразу решить вопрос о реорганизации государственного порядка в комиссии о сочинении проекта нового уложения (1767—1774 гг.); но вскоре, разочаровавшись в благополучном исходе затеянного ею предприятия, она стала по частям выполнять ту же задачу. Остановимся прежде всего на первом из этих моментов ее внутренней политики.

Императрица Екатерина сильно увлекалась, особенно в первые годы своего царствования, идеей о единообразном, согласованном во всех своих частях и правомерном государстве; между тем приступить к систематическому выполнению этой идеи казалось всего легче с составления нового уложения. Пример предшественников императрицы и соседних государей, также стремившихся к славе законодателей, вероятно, повлиял на Екатерину II, укрепив ее в этом намерении. Наконец, помимо отвлеченных соображений, и действительное положение дел вызывало со стороны императрицы желание возможно скорее приступить к работам по кодификации права.

Созванию комиссии предшествовало приготовление императрицей знаменитого Наказа, написанного главным образом по

сочинениям Монтескье и Беккариа. Наказ известен нам в нескольких редакциях: императрица, как видно, работала над ним довольно усердно*.

Составительница Наказа признавала личность гражданина (свободу совести и мнения, личные и имущественные права), но указывала и на необходимость сословного строя с дворянством во главе, умеряемого правомерными отношениями сословных групп друг к другу. Далее, императрица в своей инструкции указывала на личность гражданина как на цель попечений государственной власти, и на регулятивное значение законов, которые должны запрещать лишь то, что может быть вредно каждому в частности или всему обществу в его совокупности; настаивая при этом на человеческом производстве суда вообще, она, в частности, считала возможным устранить пытку из уголовного производства. Наконец, принцип закономерной деятельности подчиненных властей и основные законы «самодержавного правления» составляют также темы, разработке которых посвящено несколько глав Наказа. <...>

«Важное в сей комиссии, по словам кн. М. Щербатова, было то, что всякое состояние людей всякого уезду, через свои нака-

* Судя по материалам для составления Наказа, хранящимся в Императорской Академии наук, в работе его автора не трудно заметить следующие стадии: 1) по мере чтения Екатерина делала выписки понравившихся ей текстов; они следуют поэтому друг за другом без всякого порядка (л. 1—39; лист = 4 стр.); 2) вслед за тем императрица приступила к распределению собранного материала. Для этого она на полях выписок системой особых знаков отметила однородные материи; 3) далее группы выписок, однородных по содержанию, она привела в систему по главам, которые остались и в печатном Наказе (л. 64—99 и 99—117); сюда же можно отнести дополнения к Наказу л. 117 + 7 (до конца); при этом сделаны были добавления и исправления; 4) в таком виде работа Екатерины перешла к переписчику и снова пересмотрена ею, причем сделаны были небольшие поправки, кажется, рукою самой императрицы (л. 44—56), собственноручно переписавшей, кроме того, некоторые из глав (л. 55—64); 5) наконец, при последней редакции Наказа текст подвергся небольшим, хотя и довольно существенным сокращениям, особенно в главе о «служащих» (= serfs), а также незначительным переменам в стиле и способе ссылок («in pais» вместо En France и т. п.), причем все сочинение разбито на статьи. — Первоначально императрица, по-видимому, не вполне точно определила материал, долженствовавший войти в состав Наказа. Поэтому, кроме выписок, помещенных в манифест 14 декабря 1766 г. (л. 39—41), среди «материалов» встречаются заметки, сперва попавшие в первую редакцию (л. 25), а потом выделенные в генерал-прокурорский Наказ (л. 41—44).

зы их депутатам, объясняло свои нужды, а губернаторы объяснили состояние их губерний. И хотя, истину сказать, самые сии наказы наполнены были теми же предубеждениями, каковые в голосах у депутатов являлись, но сие была грязь, из которой можно было много золота получить: ибо среди самого непросвещения, пристрастия и, можно сказать, безумия, каждый, однако, не оставлял объяснить, что ему тягостно быть казалось; присутственные же места в своих наказах изъяснили, что темно, что неудобоисполнительно и что недостаточно в законах находят, каждое по препорученным ему делам; а сего и довольно для заготовления вещей к сочинению законов». Это мнение человека, далеко не безусловно поклонявшегося Екатерине, тем не менее совпадает с собственным ее взглядом на значение комиссии. Во-первых, она признавала, что «комиссия уложения, быв в собрании, подала ей свет и сведение о всей империи, с кем дело имеет и о ком пещись должно». Во-вторых, Наказ комиссии, по ее мнению, ввел «единство в правило и в рассуждения, не в пример более прежнего. Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать». Ясно, таким образом, что комиссия принесла свою долю пользы и обществу и правительству. В самом деле, она оказала некоторое влияние на реформу областных установлений и на развитие сословного строя: с одной стороны, депутаты, укрепили верховную власть в намерении осуществить эти преобразования, с другой — взаимным обменом мыслей, спорами на заседаниях большого собрания и занятиями по различным отраслям действующего права в частных комиссиях сами подготовили себя к принятию учреждений о губерниях и жалованных грамот.

«Комиссия уложения, — писала Екатерина, — все части закона собрала и разобрала по материям и более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась»⁶. Каковы бы ни были причины закрытия комиссии, во всяком случае она не успела составить цельного свода, а тем паче сочинить нового уложения.

Разочаровавшись в возможности сразу кодифицировать все русское право, императрица принялась за выполнение по частям двойной задачи, предложенной комиссии: с одной стороны, она рядом сепаратных указов и «грамот» позаботилась об улучшении положения русского общества и разграничения интересов сословных групп, с другой — таким же путем отдельными учредительными актами и мероприятиями попыталась упорядочить систему государственных органов и установить деятельность их на более закономерных основаниях.

Вопрос о положении русского общества в государстве был очередным вопросом в русской жизни второй половины XVIII в. Естественно, поэтому, что императрица Екатерина II посвятила немало труда для того, чтобы решить его сообразно собственным своим взглядам на задачи «самодержавного правления» и на сословный строй.

Следует заметить прежде всего, что Екатерина содействовала численному размножению населения, нужного, по ее мнению, для развития народного благосостояния.

Выдающиеся европейские авторитеты XVII—XVIII вв. уже задолго до рождения Екатерины считали размножение населения одною из основных задач мудрого правления. Императрица, конечно, следовала этому правилу, высказанному большинством известных ей писателей (Локком⁷, Монтескье, Бильфельдом⁸, Юсти⁹, Вольтером¹⁰, Руссо¹¹ и особенно Зонненфельсом¹², а также Татищевым¹³ и Ломоносовым¹⁴), — и сама не замедлила обнародовать его в Наказе: «Одна из верховных должностей и добродетелей каждого боголюбивого владетеля, — писала она в двенадцатой главе своей инструкции, — состоит в умножении полезных обществу жителей; поэтому не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве»¹⁵. Но, не довольствуясь теорией, императрица Екатерина попыталась осуществить эти взгляды на практике.

Частная комиссия о размножении народа (1767 г.) в числе причин, мешавших росту населения, отметила «препятствия по дальним свойствам в браках»; т. е. невозможность заключать их хотя бы отдаленным родственникам между собою, и «весьма раннюю женитьбу у земледельцев, кои детей своих стараются женить для работ лет 12 и меньше, а притом на взрослых девках»¹⁶. Хотя Екатерина прямо и не устранила этих причин, лежавших в народных обычаях и мало поддававшихся воздействию правительства, тем не менее учреждением народных училищ и мерами по развитию народного хозяйства косвенно могла ослабить их значение. Указ о невенчании малолетних женихов с «возрастными девками», прямо направленный против одного из перечисленных зол, едва ли получил надлежащее применение в действительной жизни. Менее затруднительно было устроить уход за незаконнорожденными младенцами, нужный для предупреждения их чрезмерной смертности. Этой цели императрица думала достигнуть основанием Воспитательного дома, предназначенного между прочим для «попечения о умножении полезных обществу жителей» (1763 г.)¹⁷. Вообще, прискорбно за младенцами (в том числе и рожденными в законном

браке), вероятно, несколько улучшился по изданию устава о повивальных бабках¹⁸.

Вопросы народной гигиены также обращали на себя внимание императрицы. Сама она решила привить себе оспу в 1768 г., и вскоре той же мере предосторожности подвергла цесаревича Павла¹⁹. Слухи о «великой отважности императрицы» проникли всюду: ее пример, конечно, увлек и придворных, а Вольно-экономическое общество не мало содействовало распространению оспопрививания в низших классах населения²⁰. С введением учреждения о губерниях (7 ноября 1775 г.)²¹ попечения о народном здравии получили более устойчивую организацию: открытые в 40 из них приказы общественного призрения должны были, между прочим, завести сиротские дома, больницы и богадельни, дома для неизлечимо больных, для сумасшедших и работные (для доставления работы нуждающимся); в силу «учреждения 7 ноября» те же приказы заботились об основании аптек, на что каждому из них было ассигновано единовременно 15 тыс. руб., и вообще наблюдали за всеми этими установлениями. Кроме того, аптеки получили дальнейшую организацию с изданием «аптекарского устава» 1789 г.²² В тесной связи с мерами по народной гигиене стоял и вопрос о народном продовольствии, получивший, благодаря попечениям Екатерины II, менее случайный и произвольный характер, чем то было раньше. Кое-где, например, заведены были хлебные магазины; они появились не только в городах, но и в некоторых деревнях.

Наряду с этими мероприятиями, имевшими в виду более или менее постоянные явления народной жизни, можно поставить еще и такие, которые преследовали более случайные, хотя в данное время и не менее существенные цели. На неустойчивость населения влияли, например, постоянные побегі его за границу. Борьба с этим злом, продолжавшаяся в течение всего XVIII в., естественно привлекла внимание Екатерины, издавшей до 50 указов о беглых, отличных, однако, от предшествовавших распоряжений этого рода по своему направлению. «Чтобы прекратить побегі, — читаем мы в одном из них, — нужно отнять к оным повод и способы». Поэтому в указах о беглых не раз было обещано смягчение их положения. Удерживая наличное население в пределах империи, Екатерина II заботилась также о привлечении чужеземных поселенцев в Россию, в виду чего и учредила канцелярию опекунов иностранных колонистов (1763 г.)²³. Манифест о переселении иностранцев предоставлял им разного рода льготы и привилегии при пользовании земельными участками, лежавшими, главным образом,

между Саратовом и Астраханью, в Новой Сербии и в восточных областях.

Разнообразные средства, к каким прибегала Екатерина для размножения населения, вероятно, не пропали даром. Численность его, во всяком случае, возросла с 19—20 млн (в 1762 г.) до 29 (в 1796 г.), не считая населения вновь приобретенных при Екатерине местностей. Можно думать, что годичный (арифметический) прирост населения за эти 34 года, равный 2 или 2,25%, значительно превышал прирост его в предшествующее время.

Обширное население Российской империи не могло, конечно, представлять однородной массы; строение ее зависело от того положения, какое заняло лицо в русском обществе и государстве XVIII в.

Реформа Петра Великого хотя и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиться человеческая личность. Русский человек начала XVIII в. уже находил в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности, которые влияли на развитие его индивидуальности. В то время впервые к русскому обществу стали прививаться и теории естественного права, способствовавшие распространению и утверждению понятий о личных и имущественных правах человека, получивших впоследствии доступ в наше законодательство. Правительство не только косвенно, но и прямо содействовало образованию таких результатов целым рядом указов.

Императрица Екатерина хорошо понимала значение этих явлений. «Два есть осы (т. е. оси), — писала она, — на которых должна вертеться вся громада законов: первое юстиитская голова с ее отраслями, а просто сказать правила о безопасности особы всякого жителя в империи; другая ось есть о владении имений с наследства или безопасность во владении имением всякой особы в империи. Ежели около сих двух беспрепятственно будут колеса вертеться, т. е. правосудие беспрепятственно будет иметь течение, то можно почтить, что государство приведено в твердое состояние, понеже всякий живущий в империи будет тогда почитать, что его благополучие зависит от непременных оных узаконений». Взгляды, изложенные в этой заметке, императрица попыталась развить в проекте «гражданских законов»; в предисловии к проекту (начала 1774 г.) указа-

ны цели сочинения их, согласные с вышеприведенными теориями; но самый проект, по-видимому, не был осуществлен.

Причины такой неудачи едва ли принадлежали к разряду случайных: слишком рано было думать о свободной человеческой личности вне подчинения ее той общественной группе, к которой она принадлежала в силу обстоятельств. И действительно, лицо с самого начала XVIII в. стояло еще беззащитным перед государством: между тем и другим не существовало никаких преград. Поэтому дальнейшая судьба «личного начала» поставлена была в зависимость от образования прочных сословно-общественных групп, в пределах которых личность и продолжала развиваться. <...>

В образовании сословного строя действовали факторы экономического и духовного порядка.

Экономическая политика Екатерины, не раз прибегавшей в ведении ее к помощи известного дельца Г. Н. Теплова²⁴, с указанной точки зрения имела значение, главным образом, поскольку коснулась вопросов о производстве и распределении главным образом недвижимых имуществ.

Решение первого из них скорее повлияло на судьбу низших классов, решение второго особенно сильно отозвалось на положении высших слоев общества.

Вообще можно сказать, что политика императрицы Екатерины содействовала развитию хозяйственных занятий, служивших отличительными признаками разных общественных групп.

В самом деле, в царствование Екатерины II приобретена была почти вся черноземная полоса; сюда стала передвигаться часть населения северной и средней России, что можно доказать сравнением статистических данных о населении по губерниям в 1724—1785 гг.; этот процесс постепенно способствовал развитию земледелия в тех местностях, где сама природа наиболее пригодна для процветания подобного рода занятий. Таким образом, земледельческая культура впервые со второй половины XVIII в. получила прочное основание и более устойчивое значение в русском хозяйстве. При этом вывоз хлеба за границу значительно усилился (размеры вывоза пшеницы из главных портов, кроме остзейских, в 1779 г., например, превышали размеры вывоза того же продукта в 1766 г. в девять с лишком раз), что, вероятно, содействовало повышению цен на хлеб, которые с 1760-х гг. возросли втрое. Подобное явление, конечно, побуждающим образом должно было действовать на земледелие.

Наряду с экономическими причинами и духовные влияли на развитие той же отрасли производства: Екатерина придерживалась физиократических взглядов, впрочем, довольно неопределенных, и способствовала их распространению в русском обществе. Кроме того, в Наказе императрица высказывала пожелание, чтобы в России появились книги, «изданные о земледелии, из которых каждый крестьянин мог бы в своих недоумениях пользоваться наставлениями»²⁵. Позднее действительно вышли русские переводы нескольких таких книг, чему не мало способствовало и основанное императрицей Вольно-экономическое общество²⁶; из записок современников видно, например, какое влияние имели его издания на повышение интереса к сельскому хозяйству.

Не менее благотворны были меры Екатерины по части русской промышленности и торговли. Екатерина стояла за свободную конкуренцию в производстве, по крайней мере в пределах данного (среднего) класса. Поэтому уже указом 31 июля 1762 г. она старалась подорвать ту систему монополий, которая так сильно развилась в конце предшествовавшего царствования; против этого зла императрица боролась постоянно²⁷. Не менее замечательна и та новая точка зрения, которая позднее высказана была правительством о фабриках, как объекте имущественных прав: в силу указа 1780 г. «принадлежащие частным людям собственно фабрики и мануфактуры не иначе должны быть разумеемы, как собственное имение, которым каждый может свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволения от начальства». Таким образом, правительство с этого времени стало признавать возможность свободного развития фабричного производства, независимо от правительственного принуждения. Мероприятия подобного рода благоприятствовали росту частного крупного производства. Действительно, при вступлении Екатерины на престол можно было насчитать всего до 500 фабрик, между тем как к концу столетия их оказалось в четыре раза больше; во всяком случае число важнейших из них к этому времени, по-видимому, возросло приблизительно на 40%. Фабричное дело развивалось не только в количественном, но и качественном отношении.

Сравнительно с прежним временем заметно выдвинулось производство полотен и шелковых тканей, стекла и золотых, а также серебряных изделий; еще более развились фабрики купоросные и сахарные, суконные (а также изготовлявшие другие шерстяные материи) и ситцевые; наконец, за то же время появились и новые фабрики: красильные. Вообще кожевенные,

шелковые, полотняные, а затем и суконные фабрики к концу века превосходили своею численностью остальные. Крупное производство, как видно, начинало соотносываться не только с правительственными, но и общественными нуждами, а это придавало указу 1780 г. не одно формальное значение.

Развитию крупного производства способствовало также отчасти им же самим вызванное усиление обращения богатств. Просвещенные взгляды и политика императрицы Екатерины не мало содействовали этому. «Коммерция, — писала Екатерина И. Неплюеву, — по большей части процветает вольностью и свободою». Поэтому в ее царствование привилегии разных торговых компаний были уничтожены так же, как и откупы на таможенные сборы; притом меркантилизм в глазах императрицы уже потерял прежнее свое значение, что давало больший простор ввозу. Далее, Екатерина позаботилась о введении более однородного и устойчивого курса на металлическую валюту и о замене медных денег ассигнациями (с 1769 г.)²⁸, первоначально «знатно облегчившей самым делом обращение»; последнее обстоятельство, разумеется, имело положительное значение не надолго. Наконец, появление новых кредитных установлений (открытие банков 1762 и 1786 гг.:²⁹ государственного, ссудной и сохраненной казны) для всех сословий, причем в разряд банковых операций включены не только выдача ссуд, но с 1770 г. и прием вкладов на хранение с платежом процентов вкладчику, должно было оживить торговлю³⁰. При таких условиях торговля, развитию которой способствовало улучшение путей сообщения и почт, а также зарождение торгового флота³¹, вызывавшего столь мало забот до этого времени, должна была усилиться тем более, что возможность правильных торговых сношений была гарантирована внутри государства новым уставом купеческого водоходства, а вне его границ известною «морскою конвенцией для охранения нейтрального торгового кораблеплавания» 1780 г.³² и учреждением генеральных консульств в нескольких заграничных портах³³. И действительно, тогда как вывоз в 1762 г. не превышал 13 млн руб., размеры его к концу столетия доходили до 57 млн; ввоз за тот же период времени возрос почти в одинаковой степени, ибо с 8 млн (с небольшим) перешел на 39 млн. Итак, ввоз, по-видимому, развивался несколько быстрее вывоза, несмотря на то, что после тарифа 1766 г., понизившего ввозные пошлины³⁴, издан был новый тариф 1782 г., менее благоприятный в этом отношении³⁵.

Сверх того, не мешает заметить, что в то же время окончательно выяснилось положение России на международном рын-

ке: вывоз жизненных припасов и материалов для промышленной обработки значительно возрос в ущерб вывозу разного рода изделий и товаров; обратные перемены произошли в ввозе. Россия, таким образом, все более стала поставлять сырье на международный рынок и получать отсюда предметы обрабатывающей промышленности. Этот процесс был несколько приостановлен изданным императрицей Екатериной тарифом 1782 г. и позднейшими распоряжениями, задержавшими привоз в Россию многих предметов роскоши.

Заботы Екатерины простирались не только на усиление обрабатывающей и передаточной промышленности, но и на развитие духовных сил, нужных для ее преуспевания. «Честность (вместе с кредитом) — душа коммерции», — писала она в Наказе. Может быть, под влиянием этой мысли Екатерина и заботилась об образовании промышленного торгового класса: во всяком случае она поощряла путешествия молодых купцов за границу³⁶, основала коммерческое училище³⁷ и Академию художеств с «воспитательной школой» для мещанских мальчиков³⁸ и, кроме того, издавала и безденежно распространяла книги, «полезные купечеству»; согласно ее желанию Вольно-экономическое общество также должно было изучать вопросы подобного рода.

Правительственная политика, как видно, значительно повлияла на производство и усилила различия между занятиями земледельческого населения и занятиями промышленно-торгового класса, а это давало экономические основания для разграничения их сословных интересов, и между собою и по отношению к высшим слоям общества. «Земледельцы (т. е. крестьяне), — писала, например, Екатерина, — живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий»³⁹. Такой взгляд, однако, невозможно было последовательно провести в законодательстве: в силу указа 1776 г., например, крестьян, производивших купеческие промыслы, пришлось включить в состав купеческих гильдий, а через год таким же образом велено было поступать с крестьянами, желавшими записаться и имевшими на то законное увольнение от своих помещиков или от своих ведомств⁴⁰. Промышленно-торговые занятия, напротив, по мнению императрицы, должны были характеризовать средний род людей; соответственно этому она подтвердила (в 1762 и 1784 гг.) указ своего предшественника, запрещающий покупку деревень к заводам и фабрикам. Фактически, однако, купцы и фабриканты нередко принадлежали и к землевладель-

ческому или крепостническому классу, само правительство не в силах было вполне уничтожить эти злоупотребления. Занятия, приличные для купечества, оказывались, однако, с точки зрения Екатерины, несовместимыми с достоинством «благородного». «Противно существу самодержавного правления, — читаем мы в Наказе, — чтобы в оном дворянство торговлю производило»; оно должно хозяйничать в собственных населенных имениях или отправлять гражданскую и военную службу во славу самодержавного правления, а не заниматься торговыми делами. Тем не менее императрица подтвердила право дворянам содержать заводы и фабрики «по деревням и вести оптовую торговлю произведениями собственных хозяйств, даже за границу, а также предоставила им возможность (в 1786 г.) входить во всякого рода откупы и подряды, свойственные дворянской собственности⁴¹. Впрочем, она с неудовольствием смотрела на тех из них, которые широко пользовались этой привилегией, а записывание их в гильдии окончательно воспретила указом 1790 г. (октября 26)⁴².

Приурочение определенных хозяйственных занятий к известным классам общества, как видно, не могло быть выполнено и нарушалось главным образом в пользу высшего дворянского класса, который через посредство своих крепостных или лично получал возможность участвовать в производительной деятельности, принципиально принадлежавшей одному среднему сословию.

Экономическая политика императрицы Екатерины II, однако, не только направлена была на то, чтобы удержать определенные отрасли производства за низшими классами, но повлияла и на более резкое распределение недвижимых поземельных имуществ между ними и высшими слоями общества. <...>

Государственное межевание, предпринятое в 1765 г. (комиссия о межевании учреждена 5 марта 1765 г.), привело к трем особенно важным последствиям: к отобранию в казну многих земель, распаханых помещичьими крестьянами, без прав на это, что естественно должно было вызвать сокращение крестьянских запашек и отозваться на их благосостоянии; далее, к лишению имений лиц из среднего класса, незаконно ими владевших и, наконец, к укреплению за землевладельцами законно принадлежавших им имений, причем этим лицам предоставлена была возможность выкупить из казны часть припаханных ими земель. Государственное межевание, таким образом, поставило в более определенные отношения казну и дворянство как главных представителей землевладения того времени⁴³.

Важнейшим из духовных факторов в образовании сословного строя надо считать обязательно-сословное образование, наследственно получаемое членами одного и того же общественного слоя. Правда, что профессиональный характер его значительно ослабел (например, в кадетском корпусе), а обязательность окончательно уничтожена была при Екатерине; но теперь сами сословия готовы были смотреть на такое образование не как на обязанность, а как на свою привилегию. Начало сословности, хотя и стало менее исключительным, однако также продолжало держаться в среднем образовании, где наряду с прежними профессионально-сословными заведениями появились новые, отличные от них лишь тем, что давали воспитание вместе с образованием в сословном духе порознь детям обоего пола. Новые школы предназначались не только для высших классов, но и для среднего (например, коммерческое училище); при этом состав учащихся в духовных семинариях, число которых заметно возросло при Екатерине II, существенно изменился: довольно пестрый в первой половине XVIII в., он в это время ограничен был детьми одних церковнослужителей. Итак, сословный характер образования все еще ясно сказывался в системе, принятой императрицей Екатериной II.

Нельзя сказать, однако, чтобы ученица Локка удовлетворилась началом сословного образования. Общеобразовательная и бессословная школа, преследующая педагогические, а не профессиональные цели, впервые утвердилась в России в ее царствование и благодаря ее собственной деятельности, что, разумеется, несогласно было с началом сословности в образовании. Комиссия об устройстве народных училищ в России, основанная императрицей в 1782 г.⁴⁴, к концу прошлого века (1796 г.) учредила до 316 народных училищ, в которых более 17 000 детей обоего пола (преимущественно мальчиков) и разных состояний получали общее образование; университетские курсы, о которых заботилась Екатерина, также предназначены были для лиц, происходивших из разных слоев общества.

Тем не менее система образования при Екатерине не утратила сословного характера. Живучесть этого начала, быть может, объясняется популярностью тех идей о сословном государстве, которые высказывались на Западе многими авторитетами и были восприняты Екатериной; не только сама она несомненно находилась под их обаянием, но и в русском обществе содействовала распространению тех же взглядов.

Итак, <...> императрица Екатерина подчинялась влиянию слагавшейся до нее организации русского общества, почему и

расширила, и усилила действие факторов, сыгравших под давлением законодательства важную роль в образовании сословного строя; вместе с тем она, однако, принуждена была сделать несколько уступок в пользу такого распределения хозяйственных и духовных средств между общественными группами, которое более соответствовало естественным условиям развития бессословного государства. <...>

Для того, однако, чтобы прочно установить определенные нормы, нужно было подготовить и твердые гарантии в их исполнении. Реальных гарантий в самом быту Екатерине так и не удалось разыскать, быть может, потому, что она об этом деле заблаговременно не подумала или боялась приниматься за такую кропотливую, малозаметную работу, результаты которой были еще далеко впереди. О формальных гарантиях императрица также вспомнила не сразу, хотя и дала их обществу в виде местных учреждений, введенных губернской реформой 1775 г.⁴⁵

Как бы то ни было, вопрос о разграничении сословных интересов Екатерина думала первоначально обсудить в частных комиссиях с бюрократическим характером, учрежденных в 1763—1765 гг. Затем, не удовлетворившись их деятельностью, она, как известно, поручила осуществление той же задачи большой комиссии о составлении проекта нового уложения; хотя и работы депутатов не приведены были к окончанию, однако их мнения и проекты многое выяснили самой императрице и отчасти предрешили направление ее сословной политики. Осуществлению этих задач способствовали конечно, и статс-секретари Екатерины, и некоторые из ее приближенных.

На низших ступенях общественной лестницы стояли крестьяне, самый многочисленный класс русского общества. Положение важнейших из разрядов этого слоя не было одинаковым.

Казенные крестьяне (дворовые и государственные), число которых значительно увеличилось по секуляризации имений духовенства и по присоединении к ним однодворцев (1764 г.), а также некоторых второстепенных разрядов населения, менее других нуждались в улучшении своего быта: * эта группа крестьян оставалась относительно свободной, за исключением разве одних «приписных», находившихся в тяжелой фактической за-

* Судя по «ведомости учиненной из присланных в 1769 г. от губернаторов ведомостей, сколько по последней ревизии положенных в подушный оклад душ, принадлежащих короне считается», количество казенных крестьян доходило до 3 380 372 душ м. п., что составит около 46% всего крестьянского населения Великороссии и Сибири.

висимости от владельцев частных заводов. Хотя императрица в одной из своих собственноручных записок и выразила твердое намерение «освободить всех государственных дворцовых и экономических крестьян», даже тех из них, которые будут пожалованы, «кой час положение сделано будет, как им быть», однако судьба этих классов, значительно уравненных между собою, существенно ни в чем не изменилась в течение ее царствования; лишь быт приписных крестьян был несколько улучшен благодаря указам 1779 и следующих годов.

Гораздо тяжелее было положение крепостных, число которых несколько превосходило количество казенных крестьян.

Вопрос о личных и имущественных правах крепостных крестьян не назрел еще в первой половине XVIII в., когда все население одинаково было закрепощено государству и частный характер крестьянской крепости еще не вполне выяснился. Но после того, как со второй половины XVIII в. крестьяне оказались единственным классом, крепким дворянскому сословию, а дворянство, напротив, получило «вольность», причем власть его над крепостными стали отличать от государственной власти, вопрос о положении их в обществе выступил резче прежнего на первый план. В то время начали также сознавать, что «крестьянство, яко весьма многолюдный, полезный и необходимый род государственный, приносящий не токмо помещику, но и самому государству пользу и необходимые надобности, имеет право столько же, как и прочие государственные роды, требовать защищения от причиняемых ему насилий, тем наипаче, что если при всех суровостях помещиковых отказать крестьянину в сем последнем его прибежище, то ему ничего иного не останется, как одно только отчаяние, побег и чтобы восстать против своего господина»⁴⁶.

Императрица Екатерина хорошо усвоила себе эти взгляды. Она первая из русских государей решительно высказала мысль о том, что крепостной — такой же человек, как и его господин, и с едкой иронией вывела последствия обратного взгляда. «Если крепостного нельзя признать персоною, — читаем мы в одной из ее собственноручных записок, — следовательно, он не человек; но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет. Все, что следует [говорится] о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано»⁴⁷. Крепостной в глазах Екатерины был не только человеком, но и персоною, т. е. должен был быть особою, наделенною известными личными и имущественными правами. «Естествен-

ная вольность» даже в среде крестьян должна была подлежать возможно меньшим ограничениям. Эта мысль всенародно высказана была в виде вопроса, предложенного Вольно-экономическому обществу и в виде общего принципа в гл. XI Наказа. Идеи, провозглашенные императрицей, многими живо обсуждались и в обществе и в комиссии, многих просветили и большинство членов комиссии 1767—1774 гг. склонили в пользу улучшения крестьянского быта.

Но все эти *pia desideria*⁴⁸ легче было высказать, чем осуществить на деле.

Крепостное право, окончательно сложившееся в сущности лишь после первой ревизии, при Екатерине еще не отжило; простое смягчение его сопряжено было с целым рядом практических затруднений, на которые охотно указывали дворяне и которые не могли не смущать императрицу. Но были и другие обстоятельства, затруднявшие проведение реформы. Слабость сил принуждала правительство передавать господам выполнение мелких административных и судебных функций по отношению к крестьянам. Дворянство, пользуясь такою слабостью местных учреждений, превратило врученные ему служебные полномочия в сословную привилегию: крестьяне сделались подданными своих господ-государей. Эти отношения закреплены были и политической теорией монархического строя, по которой дворянство должно было естественно исполнять роль посредствующей власти между верховною и народом. Результаты такого превращения ясны. Господа-государи стали между своими крестьянами-подданными и государственною властью. Этим объясняется отсутствие законов касательно крестьянских прав; для крестьян законом служила воля или, точнее, произвол их господ-государей; помещичьи имения стали «непроницаемы для государственной власти». С такой именно точки зрения можно было отстаивать и неизменность крепостного быта, опираясь не на начала частного права, а на основной принцип русского государственного права того времени о неизменности монархической формы правления, что и делали члены комиссии 1767—1774 гг., высказывавшиеся против ограничения власти господина над крестьянами. Далее, следуя мнениям «лучшего о законах писателя», Екатерина должна была признать, что нарушение прерогатив дворянства (*les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes*)⁴⁹ должно повести к водворению в стране демократического или деспотического государства. Наконец, так как императрица смотрела на дворян как на опору монархии, то и с этой точки зрения, по-видимому, не ре-

шила коснуться их преимуществ: вполне удобного случая для выполнения этого сложного дела ей не представилось. В начале ее царствования, например, исключительное положение императрицы после переворота 28 июня и продолжавшиеся волнения крестьян не давали ей возможности ограничить дворянские привилегии. Позднее собственное ее настроение несколько изменилось, тем более что либеральные планы императрицы не находили достаточно прочной поддержки в окружавшем ее обществе: все свободные классы старались добиться права владеть крепостными; большинство дворян, в том числе и люди, не лишённые известного образования, признавало крепостное право явлением более или менее нормальным, недоверчиво относилось к крестьянской свободе и считало вмешательство государственной власти в отношения свои к крепостным излишним для правительства и оскорбительным для себя. При таких условиях Екатерине трудно было не только подвергнуть общественный строй коренному преобразованию, но и в известной степени смягчить отношения, уже установившиеся между общественными группами до вступления ее на престол. Пример западноевропейских государей не мог повлиять на направление сословной политики русской императрицы: к реформе Марии Терезии она относилась не без сочувствия, но и довольно скептически; при этом Екатерина не могла не отметить и обратного течения в европейской литературе и законодательстве⁵⁰.

Одно перечисление всех этих неблагоприятных условий, в какие поставлено было проведение реформы, быть может, несколько объясняет, почему Екатерина, мечтавшая о том, чтобы крепостные «могли заплатить за освобождение своему господину», а дети их, рожденные после 1785 г., получили бы свободу без всякого выкупа, в сущности так мало сделала для простого улучшения их быта. Правда, она запретила свободным людям и вольноотпущенникам поступать в крепостное состояние (указы 1775 и 1783 гг.)⁵¹, а также уничтожила продажу крестьян без земли при продаже имений с аукциона (1771 г.)⁵² и вообще несколько ограничила торговлю крепостными. Но в то же время Екатерина способствовала усилению крепостного права в Восточной Европе и распространению его на новые области. Крепостным, например, запрещено было жаловаться на помещиков (1767 г.)⁵³, даже в тех случаях, когда господин подвергал их «пристрастным» допросам и тяжелым наказаниям, согласно им же самим придуманному «уложению» или собственному произволу, причем подобного рода наказания иногда равносильны были мучительной смертной казни⁵⁴. Несмотря на то,

что в силу учреждения о губерниях наместник должен был защищать крепостных от притеснений господ и что подобное вмешательство действительно обнаруживалось иногда в последней четверти XVIII в., сама императрица сознавала необходимость, не довольствуясь случайными и нередко противоречивыми карательными мерами, общее «положение о том сделать, что с такими чинить, кои суровость против человека употребляют», но, по-видимому, не позаботилась о скорейшем пополнении одного из наиболее существенных пробелов современного ей законодательства. Напротив, она даже расширила карательную власть господина над своими крепостными, дозволив ему отсылать своих людей на каторжные работы с правом брать их обратно по своему усмотрению (1765 г.), причем суд «не мог даже спросить его о причине ссылки и исследовать дело». Заметим, что этот указ не только не вызван был, как закон 1760 г., государственными соображениями, но в известной мере прямо противоречил им. Усиливая крепостное право в Великороссии, Екатерина, кроме того, способствовала его распространению в областях, недавно присоединенных или вновь приобретенных русскими войсками (в Белоруссии, Малороссии и Новороссии).

Таким образом, до 45% всего населения империи (в Великороссии и Сибири), несмотря на желание Екатерины улучшить его положение, продолжало пребывать в рабстве у ничтожной по размерам своим группы общества и в течение всего царствования ее напрасно ожидало мероприятий, которые существенным образом изменили бы порядок, «противный справедливости». Тяжелые последствия этого порядка ярко, хотя и несколько одно-сторонне, изображены в знаменитой книге А. Радищева.

Гораздо более сделано было императрицей Екатериной в пользу свободных классов общества, получивших в это время те «прерогативы», благодаря которым Екатерина усматривала в своем царствовании монархический, а не деспотический характер.

Ко второй половине XVIII столетия состав среднего рода людей в русских городах не только увеличился, (он доходил в это время до 228,2 тыс. душ без малого)*, но и заметно осложнился: наряду с промышленно-торговыми классами появились разряды лиц, оказывавших услуги не чисто материального свойства; кроме того, много мелких общественных групп, не

---

* Вместе с «купечеством» губерний: Новороссийской, Азовской, Полоцкой и Могилевской его насчитывали до 240 тыс. душ (вышеуказанная ведомость 1769 г.).

находивших себе места в других сословиях, приходилось включать в этот же «род людей». Естественно поэтому, что Екатерина представляла себе среднее сословие в довольно туманных очертаниях: считая название его «следствием трудолюбия и добронравия», она причисляла к нему, главным образом, всех тех, «кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, науках, в мореплавании (т. е. заграничной торговле на собственных судах), торговле и ремеслах»⁵⁵. Но, отличая данное состояние от остальных присущими ему занятиями, императрица, тем не менее, сюда же причисляла и другие разряды на новых основаниях, например: всех выходявших из училищ и воспитательных домов, «детей» приказно-служителей не из дворян и не выслужившихся в дворяне. Позднее взгляды Екатерины не стали яснее: к «среднему роду», по ее мнению, должны были принадлежать то владельцы недвижимого имущества в пределах городской черты, отправлявшие известные занятия и тягости, то лица, положение которых характеризовалось одними занятиями и тяглом.

Как бы то ни было, «средний род» людей в глазах Екатерины оказывался представителем не только материальных богатств, но и культурных средств населения; теряя при этом исключительно тяглое значение, он получал более самостоятельное положение в государстве, чему не мало способствовали мероприятия императрицы.

Свобода от телесных наказаний, например, дарованная именитым гражданам и купцам первой и второй гильдий, а также дозволение купцам держать лавки в домах своих и производить торговлю в них, расширили и имущественные права среднего рода людей⁵⁶. «Чувствительное купцам сравнение их с крестьянами положением в подушный оклад», приводившее их «в такую косность, что они сами бытием своим стыдились», было уничтожено указом 1775 г., установившим однопроцентный сбор с капиталов, «по совести объявляемых» купцами, записавшимися в гильдии; этот указ, собственноручно написанный Екатериной, по словам самих купцов, освобождал их от «бывшего невольничества» и, делая их «вольными гражданами», снимал с них «презрительную подать, по которой они почти не отличаемы были от крестьянства». Вскоре те же классы получили возможность лично не отправлять рекрутской повинности (1783 г.), о чем они также не раз просили правительство. Но отправление «казенных служб», отнимавших у купечества немало сил, несмотря даже на указания самих губернаторов, не было снято с людей среднего состояния (за исключением разве

купцов первой гильдии) и все еще отчасти придавало ему прежний тяглый характер.

Зато организация этого состояния получила, благодаря деятельности Екатерины, дальнейшее развитие. Учреждением о губерниях императрица даровала среднему роду людей право представлять выборных в городские установления и право сословного суда (в магистратах и ратушах, с 1773 г. подчиненных в некоторых отношениях губернаторам)⁵⁷, а жалованной грамотой городам (1785 г.) надолго выяснила их общественное устройство. Уже в «проекте законов о правах среднего рода государственных жителей», сочиненного в комиссии о составлении проекта нового уложения, намечены были важнейшие пункты, затронутые и отчасти разработанные в жалованной грамоте, «одном из главных непреложных и неприкосновенных государственных постановлений» Екатерины. В силу этого акта «градское общество», состоявшее принципиально из среднего рода людей, но фактически включавшее и другие элементы, получило значение юридического лица, со свойственными ему имущественными правами и политической властью по отношению к каждому отдельному обывателю. Далее, среднее сословие окончательно приобрело характер наследственного состояния, доступного, впрочем, при соблюдении известных условий и другим разрядам населения. Наконец, это состояние, поделенное в каждом городе на несколько групп, довольно резко отличавшихся друг от друга по правам и обязанностям, подчинено было установлениям (думам), в которых начало бессословное скомбинировано было с сословным, так что все шесть классов городской обывательской книги, хотя и не все в одинаковой мере, были представлены здесь в лице своих гласных.

Новое устройство долго оставалось, однако, мертвою формой, лишённую живого содержания. Члены «третьего» сословия, с одной стороны, все еще не обладали достаточным запасом материальных и духовных сил для того, чтобы занять отводимое им место в общественном порядке, с другой, охотно оставляя свое состояние, столь доступное низшим классам и не потерявшее исключительно тяглого характера, они переходили в состав более привилегированного дворянского сословия. Попытка Екатерины создать «средний род людей» оказалась не только преждевременной, но едва ли и не излишней: постоянные колебания в определении состава «среднего рода людей» и смешанный характер его организации сами по себе свидетельствовали о невозможности выделить их в замкнутое сословие, резко обособленное от других.

В ином положении находилось русское дворянство. Уже до вступления Екатерины на престол оно успело приобрести довольно существенные выгоды, как, например, «вольность» и исключительное право владеть не только населенными имениями, но и крепостными без земли, как полную собственностью, часто, впрочем, нарушаемое на практике. Естественно, что после переворота 28 июня русское дворянство с нетерпением стало ожидать от Екатерины II дальнейшего расширения своих привилегий и более прочной организации «дворянского корпуса». Сама она не мало способствовала развитию этих ожиданий и образованию «особливого рода людей, поставленных между государством и народом». Уже в молодости она признавалась, что чувствует великую склонность «читать древние роды», а в зрелом возрасте находилась под влиянием учения Монтескье, по которому опорой монархии должно служить дворянство, и хорошо усвоила себе основное, по его мнению, правило монархического строя: «point de noblesse, point de monarque»⁵⁸.

В определении этого состояния Екатерина, однако, отступила от теории Монтескье. Хотя и по Наказу «дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены», однако рядом с честью (*honneur*), единственно признаваемой Монтескье, как принцип монархического строя, императрица ставила еще добродетель, т. е. начало, положенное автором «Духа законов» в основу демократии, а не монархии; тем не менее, по мнению его ученицы, оба начала должны были служить «правилами для дворянства»⁵⁹.

При таких взглядах Екатерины на значение дворянства в империи понятны ее заботы об этом сословии.

Манифест 18 февраля 1762 г., предоставивший дворянству вольность, т. е. свободу от служебных обязанностей, не всех привел в тот восторг, который так ярко описывает один из современников; в столице были дворяне, которые видели в нем одну «тьень свободы»⁶⁰. Не уничтожая силы закона 18 февраля, Екатерина поручила поэтому учрежденной ею «комиссии о вольности дворянской» рассмотреть манифест Петра III и «привести его содержание в лучшее совершенство» (1763 г.)⁶¹. «Доклад», сочиненный членами комиссии в узко-сословном духе и затрагивавший, главным образом, одни личные права дворянства, не удовлетворил императрицу: она воспользовалась вновь созданной комиссией о сочинении проекта нового уложения для того, чтобы возложить на нее между прочим работы и по этому делу⁶². Проект «правам благородных» (1768 г.)⁶³, вместе с остзейским дворянским правом, послужил прототипом жало-

ванной грамоты дворянству (1785 г.)⁶⁴; впрочем, одна из ее первоначальных редакций написана еще под влиянием старого понятия о служилом классе в противоположность другой, имевшей в виду исключительно сословную точку зрения. Хотя Екатерина и приняла во внимание поправки, внесенные в текст грамот некоторыми из ее приближенных, однако она сумела воздержаться от крайностей того и другого взгляда.

В жалованной грамоте 1785 г., подтвердившей почти все важнейшие права русского дворянства, впервые окончательно установлено понятие о свободном лице, по крайней мере, в пределах одного класса и дана прочная общественная организация всему высшему сословию, отчасти уже затронутая в учреждении о губерниях (1775 г.). В самом деле, в силу жалованной грамоты дворяне получили «личные преимущества», как-то: вольность и свободу от обязательной службы, а также избавлены были от телесных наказаний, не соответствовавших новым понятиям о сословной чести дворянской; за ними утверждено было кроме того исключительное право на поземельную собственность, распространенное на все произведения земли, не только на поверхности, но и в недрах ее находящиеся; разнообразные способы хозяйственной эксплуатации природных богатств в дворянских имениях также получили охрану закона, а конфискация их была уничтожена. Все эти личные и имущественные права дворянства (к которым были присоединены и некоторые податные привилегии) обеспечивались неприкосновенностью дворянского достоинства, защищаемого судом и верховною властью.

Но, кроме гражданских прав, дворяне в силу жалованной грамоты 1785 г. получили и более прочную организацию. Местные дворянские общества почти не существовали в начале прошлого века; даже составители проектов 1730 г.⁶⁵ имели еще довольно смутное понятие о них. Лишь по освобождении дворян от обязательной службы (1762 г.), отлив их в провинцию становился возможным, что создавало, разумеется, и более благоприятные условия для образования местных обществ, необходимость которых уже довольно ясно сознавалась представителями этого сословия в 1767—1774 гг., тем более что выборы предводителей и депутатов в виду предстоявших занятий комиссии о составлении проекта нового уложения уже породили зачатки такой организации. Вопрос этот, еще слабо затронутый в проекте 1767 г., был решен окончательно лишь жалованной грамотой 1785 г., предоставившей местным дворянским обществам существенные права. Собранию дозволено было поверять дво-

рянскую родословную книгу, составленную дворянскими депутатами, и исключать из своей среды дворянина, который чем-либо опорочен; выбирать должностных лиц, удовлетворявших известному цензу, и образовывать особливую казну добровольными складками дворянства; ему же, наконец, разрешено было представлять генерал-губернатору или губернатору об общественных нуждах и пользах дворянства, а также «приносить» представление и жалобы через депутатов как Сенату, так и государю.

Таковы были важнейшие права и преимущества, дарованные Екатериной русскому дворянству. Большинство дворян, однако, мало «читало и понимало» грамоту, а меньшинство, способное понимать ее, было недовольно ее содержанием. В самом деле, хотя одни из современников называли жалованную грамоту Екатерины «подарком дворянству, цены неимущим», зато другие усматривали в ней «более лишение, нежели дание прав»; действительно, грамота предназначена была для дворянского сословия во всей его совокупности, и тем самым не оправдывала ожиданий родовитого дворянства, недовольного, вероятно, тем, что Екатерина противостояла желанию большинства его представителей замкнуться в наследственную касту: согласно мнению своему о том, что «добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства», императрица в числе источников этого достоинства удержала выслугу, чем окончательно лишила возможности русское дворянство приобрести строго аристократический характер. Самостоятельное политическое значение местных дворянских обществ подорвано было и тем, что в состав их продолжали входить большею частью дворяне мало образованные, охотно уклонявшиеся от служб по выборам и неспособные воспользоваться данными им правами; ввиду этих причин, а также недостаточной определенности закона дворянские собрания были фактически в значительной степени подчинены губернаторам и генерал-губернаторам.

При явном благоволении своем к дворянству императрица смотрела, однако, на членов этого сословия как на людей, нравственно обязанных отправлять службу военную или гражданскую, на которую с 1771 г. прямо воспрещено было принимать людей податного звания; в связи с этим взглядом стояло и водворение сословной (дворянской) привилегии в чинопроизводстве по этому и другому роду службы.

Таким образом, хотя Екатерина и признала выслугу источником дворянского достоинства, но одновременно затруднила достижение его для лиц не дворянского происхождения и, сле-

довательно, давала перевес той сословной точке зрения, с которой она приступала к законодательству по этой части.

Внимание Екатерины обращено было преимущественно на светское общество; положение духовенства само по себе мало интересовало поклонницу Вольтера, тем более что отчасти оно уже было выяснено известными указами 1762 г., вызвавшими сильное недовольство лиц духовного звания на ее предшественника. Екатерина едва ли много способствовала образованию этого сословия, уже приобретаемому в ее время наследственный характер: соглашаясь на освобождение духовенства от телесных наказаний, «чинимых от духовных командиров», она затруднила доступ в монашество и облегчила выход из духовного звания. Законом 1764 г.⁶⁶, упразднившим церковные вотчины и введшим церковные штаты, было уничтожено, как известно, старое тягло, которое духовенство несло в пользу архиереев; из-под власти их ускользнуло также более 30 000 заштатных церковников, распределенных по разным службам. Этими распоряжениями духовенство превратилось в состояние, члены которого получали жалованье от правительства; естественно, что при таких условиях оно потеряло значение более или менее независимой политической корпорации в государстве.

Таково направление, в каком императрица Екатерина II думала решить вопрос о разграничении сословных интересов. В намеченной ею системе крестьяне не только служили опорой государству, но становились и поддержкой для дворянства. В среднем сословии она усматривала источник материальных и культурных (духовных) сил империи, а дворянство признавала сословием, властвующим над низшим слоем и подчиненным верховной власти, отныне стоявшей во главе вполне секуляризированного государства.

Положение общественных групп в России того времени, как видно, все еще определялось почти исключительно их значением для государства, но цели его расширились, отсюда и положение этих групп потерпело соответственные перемены.

Нельзя сказать, однако, чтобы идея о бессословном обществе вполне отсутствовала у людей того времени; она вырабатывалась не только отвлеченно, но и конкретно, применительно к провинциальному быту. Сама Екатерина кое-что сделала в этом отношении: город, городское управление и, в особенности, полиция в ее законодательстве не раз получали общесословное значение; но систематическое развитие этой идеи в действительной жизни принадлежало еще далекому будущему.

Формальные гарантии установленного ею общественного строя императрица думала найти в новых органах исполнительной полиции и суда: одни должны были скорее предупреждать правонарушения, другие преимущественно призваны были к восстановлению нарушенных прав. Первые введены учреждением о губерниях (1775 г.) и уставом благочиния (1782 г.)⁶⁷, вторые — тем же учреждением о губерниях, отчасти пополненным в этом отношении жалованными грамотами 1785 г. <...>

Сословная реформа Екатерины II сводилась, в сущности, к попытке водворить правомерные отношения сословных групп друг к другу и к государственной власти. То же направление не трудно усмотреть и в правительственной политике императрицы: благодаря ее посредству русское общество, как совокупность этих групп, получило несколько более самостоятельное значение в государстве, а деятельность подчиненных властей приобрела большую закономерность.

Воспитание в духе, согласном с принципами просвещенного абсолютизма, казалось Екатерине могучим средством для политической формировки населения. «Правила воспитания, — писала она в Наказе, — суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами»⁶⁸. Хотя Екатерина и не выполнила проекта одной из частных комиссий 1767—1774 гг. о введении в России всеобщего обязательного обучения, тем не менее она позаботилась об учреждении первых в России народных школ и об усовершенствовании высшего университетского образования; под ее же непосредственным влиянием издано было много книг, получивших, вероятно, более широкое распространение, чем прежде, благодаря несколько большему оживлению книжного рынка. К числу педагогических мер Екатерины можно присоединить также и многие из ее указов и «учреждений», в которых она не раз давала обществу уроки политической мудрости.

Но воспитанные таким образом граждане не могли оставаться безгласными существами, осужденными на «онемение». И действительно, императрица, говорившая, что «свобода — душа всего на свете» и что «без нее все мертво», должна была допустить некоторую независимость в мнениях своих подданных. Всего легче это было сделать относительно тех ее проявлений, которые не имели прямого политического значения; к числу таковых принадлежала, например, свобода совести, которую отчасти признавала и сама Екатерина в своем Наказе. «В 60 лет, — говорила она однажды А. Храповицкому, — все расколы исчезнут; сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то

невежество истребится само собой; тут насилия не надобно»⁶⁹. Сообразно с этим взглядом она «отменить соизволила прежние чинимые раскольникам за их суеверство жестокости и притеснения» и издала указ о терпимости всех вероисповеданий (1773 г.)⁷⁰; но отмеченная точка зрения не помешала Екатерине подвергнуть строгому наказанию Арсения Мацеевича, открыто выражавшего свое недовольство по поводу секуляризации церковных имений и виновного «в оскорблении ее императорского величества», а также предпринять карательные меры против последователей скопческой ереси, вредной для государства⁷¹.

Труднее было решить вопрос о значении общественного мнения в политическом отношении. Екатерина, сама прибегавшая к печати для распространения своих взглядов, должна была с отвлеченной точки зрения просветительной философии XVIII в. ценить свободу слова, отсутствие которой в государстве «было бы, по ее мнению, великим несчастьем»; «никто без исключения, — писала она в одной из своих заметок, — не становится вне суда, презрения или уважения общества»⁷². Но и на практике императрица на первых порах относилась к общественному мнению снисходительно, тем более что не усматривала в нем самостоятельного значения и считала возможным не выпускать его из-под своего руководства. Вот почему Екатерина, вообще содействовавшая развитию русской литературы, находила нужным принимать во внимание и настроение членов известной комиссии о составлении проекта нового уложения, временно игравшей роль своего рода периодической прессы для правительства, не менее охотно покровительствовала и журналам, в которых иногда сама принимала непосредственное участие (например, во «Всеякой всячине»); вскоре по закрытии большого собрания комиссии и до учреждения губерний их возникло не мало, полтора десятка с лишком. Пока эти органы иронизировали над недостатками старого времени и касались случайных проявлений, а не принципов государственного порядка, Екатерина не стесняла их деятельности. Но как только они стали обращать свою сатиру на вопросы современной жизни и перестали с прежнею осторожностью обходить молчанием промахи текущей политики, то и почувствовали давление, под влиянием которого вскоре перестали удовлетворять живым запросам едва появившейся русской читающей публики. Указ о «вольных типографиях» (1783 г.)⁷³ неспособен был поддержать прежнее оживление, ознаменовавшее русскую журналистику 1769—1774 гг.; благодаря ему, однако, ярко обнаружилась плодотворная издательская деятельность «Дружеского ученого об-

щества», которой так много способствовал Н. Новиков; тем же указом воспользовался и А. Радищев для напечатания своего «Путешествия из Петербурга в Москву». Деятели и писатели этих направлений начинали уже вместе с некоторыми другими (например, Фон-Визиным) сознавать себя «стражами общего блага». Вскоре, однако, Екатерина прекратила просветительную деятельность русских розенкрейцеров, исходившую из идеи личного усовершенствования и получившую столь замечательную организацию, а книгу Радищева, так резко указывавшего на бесправное положение большинства русского общества, повелела изъять из обращения. Обеспокоенная этими самостоятельными проявлениями еле зародившегося общественного мнения, борьбу с которым она начинала считать труднее войны с внешними врагами, императрица не только подвергла наказанию главных его представителей, но обнародовала и несколько общих узаконений, ограничивших свободу книгопечатания и ввоз иностранных книг (1790—1796 гг.). Тем не менее можно сказать, что Екатерина не мало способствовала зарождению общественного мнения и собственными своими сочинениями, и некоторыми из своих установлений, и, наконец, общим их характером; императрица признавала даже значение этой силы, так как кое-какие реформы осуществила под ее непосредственным, хотя и довольно случайным влиянием.

В связи с теми же взглядами стояли и другие принципы, которых Екатерина старалась придерживаться в управлении: она, с одной стороны, желала видеть в населении «не рабов, а людей, повинующихся законам»⁷⁴, с другой — сознавала необходимость «доверенности народа» и его «почтения» к правительству⁷⁵. «Власть без доверенности народа, — писала она, — ничего не значит»⁷⁶. Для достижения этой последней цели она, следуя примеру Петра Великого, старалась по возможности водворить законность в управлении; ближайшими советниками и помощниками ее в этом деле состояли некоторые из высших сановников того времени, как, например, И. Неплюев, гр. А. Бестужев-Рюмин, кн. Я. Шаховской, Н. Панин и кн. А. Вяземский⁷⁷.

Закономерная деятельность подчиненных властей находилась в ближайшей зависимости от характера государственных установлений и от способа отправления ими своих должностей.

Пока первый из этих вопросов подвергался обсуждению в разных комиссиях, императрица приступила к решению второго. Злоупотребления бюрократии (в частности и главным образом лихоимство) зависели от причин духовного и материального свойства: чиновники оказывались слишком мало образованны-

ми и получали слишком ничтожное жалованье для того, чтобы не прельщаться «лакомствами», которые предлагали им люди, нуждавшиеся в их услугах. Екатерина попыталась устранить действие этих причин. Считая не только общее, но и специальное юридическое образование необходимым для лиц, отправляющих государственные должности, и встречая в обществе явное сочувствие подобной точке зрения, императрица предприняла некоторые преобразования на юридическом факультете Московского университета и посылала молодых людей за границу для изучения права; с тою же целью были переведены и изданы кое-какие сочинения иностранных ученых, например, «политические наставления» бар. Бильфельда⁷⁸. Несколько позднее (к 1783 г.), вероятно, под влиянием Екатерины, сделана была попытка составить сборник законов, долженствовавший служить материалом для учебника по русскому праву и справочным пособием для всякого должностного лица, да и образованного человека вообще⁷⁹. Одновременно Екатерина позаботилась также об улучшении материального положения чиновников: новые штаты вышли в 1763 г.⁸⁰; вскоре затем последовала конфирмация сенатского доклада о пенсиях⁸¹. Меры эти, однако, оказались недостаточными и поэтому мало помогали водворению законности в управлении: приходилось не только заботиться о «наполнении» присутственных мест «достойными и честными людьми» и настаивать на «точном и немедленном исполнении указов», но и постоянно бороться с преступлениями по службе, т. е. неисполнением, злоупотреблением и пренебрежением должности, а также ошибками в отправлении ее (умышленными и неумышленными). Трудно было, однако, устранить злоупотребления чиновников в обществе, обнаруживавшем постоянную склонность к «ябед» и тяжбам. При таких условиях императрица не могла либерально отнестись и к более частному вопросу о толковании закона судебною властью; в Наказе она восстала против этого и, несмотря на ею же высказанную мысль о том, что «справедливо есть, буде родится сомнение о понятии какого ни есть узаконения изыскать намерение законодавца, вникая в смысл и умствование закона», на практике придерживалась других правил. Водворению законности в управлении мешало, наконец, и «самовластие бояр», так сильно развившееся в предшествовавшие царствования. Екатерина не без некоторой доли справедливости указывала на то, что она «поправила это, не ссылая и не казня».

Неудачный исход работ в комиссии 1767—1774 гг. привел, как мы видели, императрицу Екатерину к необходимости пред-

принять реформу государственных установлений по частям. Важнейшим из этих преобразований, между прочим и для того, чтобы достигнуть точного и быстрого исполнения уже изданных или «впредь издаваемых полезнейших узаконений» в государстве, было, конечно, «учреждение о губерниях, всего более требовавших поправления»; не даром сама Екатерина, писавшая «учреждение» пять месяцев, ставила его гораздо выше своего Наказа, а население (в особенности дворянство) высказывало потребность в такой реформе. Кабинетные работы по этой части возложены были главным образом на Г. Козицкого⁸², Г. Теплова, П. Завадовского⁸³ и гр. А. Безбородко.

Провинция начала XVIII в. была прототипом екатерининской губернии. Но до Екатерины II вопрос об областном устройстве трудно было решить ввиду ничтожного развития местных общественных сил и интересов, связанных с проведением подобного рода реформы. По воцарении Екатерины, напротив, этот вопрос стал возбуждать внимание недавно зародившихся местных обществ (в особенности дворянских): его обсуждали уже в 1762 г., а также в частной комиссии о порядке государства в силу общего права (1767—1774 гг.) и в Сенате. В первой половине 1760-х годов для предотвращения беспорядков, возникавших в областях, власть губернаторов была усилена (1762, 1764 гг.); областные деления также не раз подвергались частным изменениям, но окончательно вопрос о губернском устройстве решен был лишь в 1775 г.

Согласно с мнением некоторых из своих приближенных (например, гр. А. П. Бестужева-Рюмина), императрица хотела учреждением о губерниях привлечь местные общества, в особенности дворян, недавно освобожденных от обязательной службы, к деятельности в установлениях, основанных отчасти в виду их же собственных выгод. Правительство, таким образом, не теряло общественных сил, вышедших из-под его непосредственного контроля после появления манифеста 1762 г. И действительно, вскоре по издании учреждения о губерниях более 10 000 человек занимало выборные должности.

Помимо этих целей, императрица надеялась введением нового губернского устройства упорядочить местное управление. Реформа действительно привела к плодотворным результатам и в этом отношении. Учреждение о губерниях впервые прочно установило начало децентрализации и таким образом сблизило управляющих с управляемыми. Новое начало осуществлено было довольно удачно: губернские присутственные места отличались местным составом и получили независимую от центра

систему, что придавало им особый характер, отчасти утраченный ими впоследствии. В указанной системе обнаружилась и первая более или менее удовлетворительная попытка разделения властей: органы администрации (коронные и общественные) были обособлены от органов суда, что давало возможность каждой группе действовать быстрее и правильнее. Отделение суда от администрации, которое напрасно пытался осуществить Петр Великий, удалось Екатерине; она давно уже признала важное значение судебной функции в государстве: «наше главное попечение будет, — читаем мы в одном из ее указов, обнародованном уже двадцать дней спустя по воцарении, — изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога нам преданное Св. Его писанием повеление». Это средство найдено было в разделении властей: суд, в прежнее время игравший подчиненную роль в управлении, наделен был, наконец, самостоятельностью, нужною для беспристрастного и бесстрашного производства дел; при этом был установлен и более правильный порядок апелляционных инстанций. Заметим, наконец, что в «учреждении о губерниях» лучше прежнего была проведена идея местного самоуправления и что в силу того же положения высшие губернские места получили право представления: они могли приостановить обнародование неудобноисполнимого, по их мнению, закона и представлять об этом Сенату; в случае, однако, если последний оставлял такое представление без уважения, губернские места обязаны были повиноваться беспрекословно. Кроме этих ближайших юридических последствий, реформа имела значение и в бытовом отношении. Благодаря открытию губерний местная жизнь заметно оживилась: в городах стали появляться «люди весьма порядочные», под влиянием которых прежняя грубость уступала место «людскости, вежливости и другим качествам, свойственным благоустроенным обществам»; в числе таких качеств нельзя не упомянуть о чувстве законности: реформа губернских установлений способствовала его развитию в местных обществах.

В новом губернском устройстве вскоре, однако, обнаружались и довольно крупные недостатки. Искусственное происхождение губерний не придавало им внутреннего единства; вновь созданные провинциальные центры нередко оказывались фиктивными; в 40 «городах», например, в 1775 г. не было ни одного купца; не менее 45 других находилось, вероятно, в таком же положении. Отсутствие бытовой цельности в области не вознаграждалось единством ее в правовом отношении: губерния не

обладала свойствами юридического лица. Далее, самую организацию областного управления легче было сочинить в «учреждении», чем привести в исполнение на месте. Разделение властей, например, едва ли строго применялось на практике: существование обособленных органов администрации и суда сопровождалось фактическим вмешательством одних в функции других, вопреки закону, тем более что ясно выраженное желание мыслящих людей этого времени (например, членов комиссии о порядке государства в силу общего права, кн. М. Щербатова и Д. Фон-Визина) о предоставлении суду гласности (что способствовало бы выделению его в независимую отрасль) не получило удовлетворения. В большом затруднении оказалось также правительство при образовании состава вновь открытых присутственных мест; трудно было набрать достаточное количество «достойных и честных людей, пригодных для отправления новых должностей»; приходилось довольствоваться прежними малодостойными, и злоупотребления в некоторых отношениях не только не уменьшились, но возросли еще более, «особенно в последние годы» жизни учредительницы нового порядка. Естественно, что при таких условиях губерния поставлена была в значительную зависимость от губернатора. Следует иметь в виду, наконец, что новое устройство, может быть, не всегда соответствовало областным особенностям на далеких окраинах империи и в таких случаях еще ярче обнаруживало все вышеуказанные недостатки.

Попечения Екатерины об «общем благе» простирались не только на введение законности в управление, чему, конечно, содействовало ее учреждение о губерниях, но и на защиту закона в уголовной юстиции, задача которой, по мнению императрицы, должна была состоять в охране общества от «вреда». Согласно с этим взглядом она, с одной стороны, ясно определила сущность преступления и его разновидности, чем точнее установила и самую ответственность всякого, кто нарушал закон, с другой — смягчила суровость взысканий: в ее время уже были известны «исправительные» наказания, членовредительные почти вышли из употребления, а смертная казнь применялась лишь во «время безначалия». Смягчение карательных мер в законодательстве Екатерины II не переходило, однако, в послабление преступлению: напротив, «преступающий законы» должен был подлинно знать, что он «непрерменно будет наказан».

Преобразовательная деятельность Екатерины по части управления и суда обращена была преимущественно на губернии: введение нового порядка, которому содействовали, например, гр. К. Е. Сиверс⁸⁴, гр. З. Чернышев, кн. Г. Потемкин⁸⁵, «верней-

ший и умнейший друг» императрицы, и другие, продолжалось в течение последних двух третей ее царствования и, распространяясь на вновь присоединенные области, немало способствовало объединению государственной территории. Впрочем, учреждение о губерниях само собою вызвало перемены и в центральных учреждениях: оно повело к упразднению некоторых из центральных органов, что породило новые отношения между остальными. Екатерина не успела, однако, провести эту часть реформы: почти все уцелевшие установления сохранили прежний характер, хотя некоторые из них уже до 1775 г. и поделены были на департаменты для скорейшего решения дел. Тем не менее наряду с старым порядком возникал и новый. Придавая важное значение личному (министерскому) началу управления, Екатерина значительно стеснила полномочия Сената, как представителя коллегиального принципа, и, напротив, так усилила власть генерал-прокурора, который в ее время заведовал почти всеми важнейшими отраслями администрации и суда, что к концу своего царствования собиралась даже подразделить круг его ведомства между несколькими должностными лицами. Склонность императрицы к этому же началу доказывается и проектом ее об учреждении Расправной палаты, составленным, по-видимому, в 1785 г.; первому департаменту Расправной палаты, в котором должен был заседать юстиц-канцлер, императрица думала поручить «надзирание прав и правосудия во всероссийской империи». Новые взгляды в этом «учреждении» (1-м департаменте) формулированы самой Екатериной уже довольно ясно.

Не только министерское начало, но и другие реформы последующих царствований в виде проектов, более или менее осуществленных, уже были высказаны под непосредственным влиянием императрицы или лично ею самой.

В системе центральных установлений XVIII в. не было такого, которое заполнило бы пробел, существовавший между специальными органами управления и верховною властью. В течение всего прошлого века напрасно старались исправить этот недостаток: роль посредника то выпадала на долю какого-нибудь специального установления, то разыгрывалась вновь образованным «советом», претендовавшим иногда на властвование и посягавшим поэтому на прерогативы русских самодержцев. Уже при Петре III учреждение такого посредствующего органа с общими государственными функциями казалось желательным; записки современников свидетельствуют, что и Екатерина II думала о том же. Вероятно, с ее согласия или даже по ее поручению написан был известный проект «императорского сове-

та»⁸⁶. Проект сочинен был Н. Паниным для того, чтобы в производстве дел устранить «действие более (скорее) силы персон, нежели власти мест государственных», иными словами, для того, чтобы «непоколебимо утвердить форму и порядок, которыми под императорскою самодержавною властью государство навсегда управляемо быть должно». Хотя «главное, истинное и общее о всем государстве попечение, — пишет составитель проекта, — замыкается в персоне государевой», однако он никак свою власть «в полезное действо произвести не может, как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон».

Содержание проекта соответствовало указанной цели: совет, очевидно, должен был придать действиям верховной и в особенности законодательной власти закономерный характер; с этой точки зрения он получал отчасти такое же значение, как и позднейшее установление, известное под тем же наименованием. Екатерина, однако, не решилась на это: ее, по-видимому, смутила мысль генерал-фельдцейхмейстера Вильбуа о том, что «императорский совет слишком приблизит подданного к государю и у подданного может явиться желание поделить власть с государем»; поэтому, встречая опору в партии, враждебной «новому распоряжению в правительстве», императрица вскоре уничтожила силу подписанного ею учредительного акта. Военный совет, образованный несколько позднее (1769 г.), не заметил, конечно, установления, о котором шла речь в проекте Н. Панина: внутренние дела обсуждали в нем преимущественно лишь в связи с военными⁸⁷. Таким образом, хотя Екатерина уже довольно ясно обозначила различие, существующее между высочайшим повелением и законом (1762), однако ей не удалось обособить «закон» от «указа».

Но даже в том случае, если бы проект Н. Панина не потерпел столь печальной участи, все государственные установления должны были, по мнению Екатерины, подчиняться ее верховной власти, а следовательно, оставаться и подзаконными. «Всероссийская империя, — писала она, — ...не подвергается иным законам, кроме императорского величества самодержавной и законодательной властью изданным для блага общего и частного». Хотя Екатерина не раз высказывала свои взгляды на происхождение и сущность этой власти, «воспринятой от Всевышнего Бога», «основанной на силе, мудрости и кротости», «нераздельной с законодательной» и поэтому «никому на свете о своих делах ответу не дающей и управляющей своими государствами и землями по своей воле и благомнению»; хотя им-

ператрица и провозглашала в Наказе, что в России «всякое другое правление (кроме монархического) не только вредно, но и разорительно» и что, следовательно, здесь государь «источник всякия государственныя и гражданския власти», а слава граждан, государства и самодержавного государя — «намерение и конец» его правления, однако она не разработала всех этих идей в основных законах империи. Правда, в бумагах Екатерины сохранились отрывочные заметки, писанные ею, может быть, в виду такой цели, но она ими не воспользовалась для издания какого-либо общего положения. Даже вопрос о престолонаследии, несмотря на просьбы некоторых лиц, подвергся той же участи. Впрочем, проект манифеста о майоратном единонаследии престолом по мужской линии (в нисходящем порядке), а за пресечением ее и по женской, составленный императрицей, доказывает, что она сознавала необходимость восполнить по крайней мере этот пробел в основных законах империи. Судя по проекту, такое наследование становилось доступным лишь лицам греко-российского закона, женатым или состоявшим замужем за лицами того же вероисповедания. «От наследия самодержавством и короной всероссийской отрешались также тот или та, кому досталась корона иной державы». Но и этот проект, установлявший законный способ перехода верховной власти в нисходящее потомство Екатерины, не дождался обнародования.

Таким образом, в области основных законов империи Екатерина всего менее успела содействовать водворению того закономерного порядка, над установлением которого в государстве она трудилась в течение многолетнего своего царствования. Новый порядок продолжал зависеть от довольно случайного совпадения личных вкусов государыни с общими интересами государства, подчиненного ее самодержавной власти.

В проведении всех этих реформ Екатерине, однако, немало мешали затруднения, встречаемые ею на пути с самого восшествия ее на престол, а также обстоятельства, все более и более нарушавшие естественное течение преобразований. Для беспристрастной оценки деятельности императрицы нельзя не сказать о них несколько слов.

«Императрица Екатерина, — писал один из иностранных дипломатов при Петербургском дворе в 1768 г., — становится смелее по мере того, как она себя чувствует все более и более в безопасности и власть ее упрочивается»⁸⁸. Такое настроение императрицы первоначально, может быть, и способствовало ускорению ее преобразований, но та же относительная независи-

мость от окружавшей ее социальной среды едва ли выгодно отозвалась на содержании реформ и, во всяком случае, задержала дальнейшее их развитие. В самом деле, в восьмидесятых годах прошлого века Екатерине уже минуло 50 лет. Она видимо старилась, теряла прежние силы и способность работать над отвлеченными вопросами законодательства. На первых порах она пробовала скрывать это от приближенных, но вскоре сама принуждена была сознаться перед ними в том, что давно уже не может приняться за письмо и читает «вздор», а вместо законодательства, которым занимается с трудом, думает взяться за сочинение истории для внуков⁸⁹. Теряя силы, императрица вместе с тем теряла и бодрость духа, надежду на успех. «Не вем, — писала она в одной из своих заметок (1787 г.?), — ради кого тружусь и мои труды, попечение и горячее к пользе империи радение не будут ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположение не могу учинить наследственное»⁹⁰. Приближенные Екатерины (например, кн. П. Зубов) мало заботились о том, чтобы изменить ее настроение. «Люди с способностями, — писала она, по-видимому, около этого времени, — переводятся до такой крайности, что ни с кем ни о каком деле переговорить нельзя». Императрица тем более чувствовала это отсутствие поддержки, что врагов было у нее не мало.

Агитация в пользу цесаревича Павла⁹¹, например, а также дела Мировича⁹² и Пугачева (не говоря о менее важных) должны были, конечно, оставить следы в ее душе; волнения подобного рода повлияли и на направление ее внутренней политики. Известно, например, что вскоре после заговора Хрущевых и Гурьевых⁹³ чуть ли не восстановлена была тайная канцелярия: во всяком случае, несмотря на указы 21 февраля и 19 октября 1762 г., она под разными наименованиями просуществовала в течение всего царствования Екатерины II⁹⁴.

Далее, преобразования, предпринятые Екатериной, требовали денежных средств, добывание которых сопряжено было с большими затруднениями. Правительство постаралось устранить их. Благодаря общей для всей империи окладной книге, над сочинением которой трудилась сама императрица, сосредоточению финансовых функций в руках генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского, основанию экспедиции о государственных доходах и казенных палат введено было большее единство в финансовое управление и водворилась более строгая отчетность, что не замедлило обнаружиться и на положении бюджета. Впрочем, хотя общая сумма доходов к концу царствования возросла с 16,5 млн руб. (в 1763 г.) до 68,3 млн руб., но и госу-

дарственные расходы увеличились несоразмерно естественному росту доходов. Расточительность двора, например, вызывавшая вредное подражание в состоятельных классах общества, постепенно росла и своими размерами удивляла иностранных дипломатов. На содержание присутственных мест и армии в конце царствования также требовалось по крайней мере вдвое больше средств, чем в начале его. Правда, относительное значение этих статей в государственном бюджете изменилось: расходы по управлению (вместе с финансами) и суду заняли в нем гораздо более важное место, чем прежде; а военные расходы, напротив, понизились; в таком бюджете, как видно, отражался просветительный характер царствования Екатерины. Но в общей сложности, однако, расходы государства за это время тем не менее сильно возросли, ибо с 17,2 млн руб. в 1763 г. достигали 65,1 млн руб. в 1794 г., считая чрезвычайные.

С первого взгляда при сравнении балансов в бюджетах 1763 и 1794 гг., последний может показаться в более удовлетворительном состоянии, чем первый. Не следует забывать, однако, что такие результаты удалось осуществить лишь ценою крупных жертв, а именно: увеличением налогов, неумеренным выпуском ассигнаций и покрытием экстраординарных расходов государственными займами.

Налоги давно уже возрастали постепенно: к концу царствования Екатерины подушный сбор, все еще игравший довольно значительную роль в бюджете (39,6%), увеличился более, чем в $1\frac{1}{2}$ раза; косвенные подати благодаря новой организации таможенного ведомства и регалий, в особенности винной, также повысились почти в $2\frac{1}{2}$ раза, почему и заняли более видное место в государственной росписи (51,3% вместе с регалиями).

Несмотря на то что в царствование Екатерины было вычеканено в полтора раза больше монеты, чем за все предшествовавшее время, с 1700 г., чувствовался сильный недостаток в пригодных для обращения денежных знаках. Ввиду первой турецкой войны пришлось прибегнуть к внутреннему займу, давно уже подготовляемому путем обесценивания медной монеты, т. е. к выпуску ассигнаций (1768 г.). Первоначально ассигнация заменяли соответствующие ценности в металлах, на которые могли размениваться без лажа. Поэтому и ассигнационные банки (29 декабря 1768 г.) на первых порах были чисто депозитными, и ассигнационный рубль до 1786 г. почти постоянно держался *al pari* с серебряным; но, по переклеймении медной монеты в двойном количестве, уже в 1796 г. вместо 50 млн руб., как было в 1785 г., в кредитной валюте обрачалось втрое боль-

ше (157 млн руб.). Соответственно этому в 1796 г. при размене взимали до $31\frac{1}{2}$ коп. лажа.

Все эти мероприятия оказались, однако, недостаточными для покрытия (главным образом, военных) расходов. Благодаря заграничному кредиту, которого у нас не было до Екатерины II, наряду с внутренними долгами появились и внешние. К концу ее царствования первых можно было насчитать до 82,5 млн руб., вторых — не менее 43,7 млн руб. (1793 г.). Само собою разумеется, что к погашению внешних долгов присоединялась и уплата процентов по ним, начинавшая обременять государственный бюджет.

Таким образом, несмотря на то, что взамен прежнего дефицита, равного 0,7 млн руб. в 1763 г., императрица Екатерина кончала царствование с 8,6 млн избытка (1794 г.), финансовые затруднения не только не исчезли, но, пожалуй, возросли еще более в ее «маленьком хозяйстве» и задерживали естественное течение реформ, требовавших денег.

Не одни эти затруднения, однако, приостановили преобразовательную деятельность Екатерины II. После неудачного исхода работ в комиссии о составлении проекта нового уложения она стала все более и более интересоваться внешней политикой, руководство которой отвлекало ее от забот о внутреннем состоянии империи. На остановку в ходе преобразований сильно повлияли также события, совершившиеся во Франции в конце XVIII столетия и вызвавшие охранительные меры Екатерины в России: «не время теперь делать реформы», — говорила она одному из своих приближенных незадолго до французской революции⁹⁵. <...>

Многие обстоятельства, как видно, мешали естественному ходу преобразований, предпринятых Екатериной в первую половину ее царствования. Гуманные и либеральные начала, провозглашенные ею, способствовали брожению идей в обществе, но пока еще мало содействовали улучшению его быта, формы которого нельзя было уложить в рамки, намеченные «мудрой законодательницей»; частью отставая, частью опережая в своем развитии политику императрицы, этот быт иногда мешал выполнить на практике законы, обнародованные в виду «общего блага»; несоответствие подобного рода придавало новым учреждениям довольно случайный и мало законченный характер.

И чем выше стояли начала, провозглашенные Екатериной, тем труднее было осуществить их на деле и тем строже современники отнеслись к государыне, которая начала свое царствование обещанием сделать народ свой «столь счастливым и доволь-

ным, сколь человеческое счастье и довольствие простираться может на сей земле» и, разумеется, не сдержала своего обещания. Выдающиеся представители позднейших поколений, может быть, успевшие забыть это обещание, все же иногда слишком резко судили о царствовании Екатерины: его недостатки представлялись им более конкретными, чем его достоинства; поэтому описанное время легче было подвергать односторонней критике, чем всесторонней оценке. Нередко, наконец, личные свойства Екатерины без достаточных предосторожностей переносили на ее политику или, наоборот, делали эту последнюю ответственной за такие темные явления русской жизни, которые вытекали из общих условий развития и слишком мало поддавались какому бы то ни было правительственному воздействию.

В настоящее время спокойному наблюдателю нельзя не признать, однако, что государственная деятельность Екатерины оставила глубокий и во многих отношениях плодотворный след в русской жизни.

Принципы экономической и просветительной политики Екатерины, например, не утратили своего значения и до сих пор. Наказ ее несомненно повлиял на литературу и законодательство начала XIX в., а вместе с ним перешел отчасти и в современное право. Далее, бумаги комиссии о составлении проекта нового уложения, созданной императрицей, пригодились для кодификационных работ, предпринятых в царствование императора Николая I.

Основные начала сословной политики Екатерины, правда, уступили место новым взглядам. Процесс этот происходил, однако, очень медленно: лишь сто лет спустя по вступлении ее на престол окончательно водворились новые общественные отношения. При этом организация свободных классов русского общества, данная им Екатериной, надолго пережила ее царствование: городское положение 1785 г., например, применялось всюду до 1846 г., когда городские учреждения получили менее сословный характер, а в большинстве русских городов и до 1870 г.; жалованная грамота дворянству, хотя и подвергалась частным переделкам (например, в 1831 г.)⁹⁶, однако до сих пор еще не утратила своей силы, так же, как и важнейшие мероприятия императрицы касательно духовенства.

Еще в большей мере это можно сказать о началах, высказанных в учреждении о губерниях; несмотря на то, что состав губернских установлений, набиравшийся из местных элементов, и самостоятельная независимая от центра система их потерпела с основанием министерств существенные перемены, тем не ме-

нее эти начала в известной степени сохранили свое значение до последнего времени.

Наконец, проекты Екатерины об учреждении центральных установлений с характером министерств и Государственного Совета, как известно, получили свое осуществление при Александре I (в кабинете которого, между прочим, найден был проект Н. Панина о совете), а манифест о престолонаследии в существенных чертах уже повторен в «духовном завещании» цесаревича Павла (1788 г.)⁹⁷ и вслед за тем с дополнениями последующих государей перешел в ныне действующее право.

Все эти факты показывают, что большинство реформ Екатерины не пропало даром для русской жизни и надолго успело вкорениться в нее. Не только по отдельным отраслям законодательства, но и по общему характеру своего царствования деятельность Екатерины получила важное значение в нашей истории.

Екатерина, сама служившая «общему благу», в лице своих подданных видела «не рабов, а людей, повинующихся законам». Из этого принципа вытекали и другие не менее важные; таковы, с одной стороны, признание личности гражданина государственною властью, с другой — начало закономерного повиновения, впрочем, уже хорошо известное предшествующему законодательству (Петра Великого). В силу того же взгляда императрица желала основать отношения власти к населению на взаимном доверии; для этого она прислушивалась к «голосам» депутатов, принимавших участие в комиссии 1767—1774 гг., временно содействовала развитию общественного мнения в печати, предоставила право представления местным обществам и установлениям и готова была признать полезные результаты, какие должны были сказаться в ее законодательстве благодаря такому общению между правительством и обществом, зависевшему, конечно, от усмотрения верховной власти.

В заключение следует заметить, что устойчивость означенного порядка вещей была, по крайней мере отчасти, гарантирована некоторыми из важнейших установлений, учрежденных императрицей Екатериной II.

Царствование, отличавшееся такими особенностями, несмотря на все его темные стороны, должно было занять выдающееся место в прогрессивном ходе нашей отечественной истории: и действительно, в нем нельзя не видеть зачатки будущего развития русского общества и дальнейшего преуспеяния начала законности в русском государственном порядке.

